

Все отмеченные признаки Жития Аввакума дают, как нам кажется, основание говорить о его сложной, синтетической жанровой природе. Не случайно разные исследователи рассматривали Житие в связи с самыми различными жанрами древней русской литературы, не решаясь в то же время безоговорочно связать его с каким-либо одним известным жанром. В Житии в единое целое слились эпическое, лирическое и драматическое начала, элементы многих жанров древней русской письменности — и учительной литературы, и проповеди, и житий, и поучений, и бытовой повести, а также устного народного сказа. Вряд ли можно поэтому определить жанр Жития каким-либо известным нам термином. Но в то же время из всего нами сказанного можно сделать вывод о проявлении в Житии определенной тенденции в истории русской литературы, о приближении Жития к определенному жанру, окончательно оформившемуся уже несколько позднее. Мы имеем в виду ту тенденцию становления синтетического жанра романа, которая одновременно и по-разному проявилась в повествовательной литературе второй половины XVII в. и особенно ярко в «Повести о Савве Грудцыне». В связи с этим уместно припомнить определения, которые давал роману В. Г. Белинский, а вслед за ним и крупнейшие представители русского и советского литературоведения. Наш первый историк литературы указал на одну очень характерную особенность романа, отличающую его от всех других видов эпической поэзии, на то, что именно в романе впервые эпическое повествование приобретает лирическую, «субъективную» форму и характеризуется острым драматизмом.¹⁹ Белинский писал о романе, что «это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии... В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика как излияние чувства автора по поводу описываемого им события, и драматизм как более яркий и рельефный способ заставить высказываться данные характеры».²⁰ В Житии мы как раз и наблюдаем эту тенденцию, причем, на наш взгляд, даже в более сильном выражении, нежели в «Повести о Горе-Злочастии» или «Повести о Савве Грудцыне».

Но, пожалуй, еще более важным проявлением тяготения Жития к жанру романа является охарактеризованное выше впервые осуществленное Аввакумом изображение человека как средоточия общественных противоречий, его попытка собрать в фокусе частной жизни и личной психологии события большого общественного значения, судьбы и психологию целого социального слоя. «Роман... — пишет А. И. Белецкий, — преломляет сквозь призму индивидуальной психологии даже события общенародного значения, растворяя общее в частном».²¹ Сходную характеристику романа мы можем встретить еще в высказываниях А. Н. Веселовского.²² Именно это принципиально и отличает роман от средневековых эпических форм, в том числе от апокрифической и житийной литературы.²³ Но именно эта тенденция так ярко проявилась в Житии Аввакума.

Наконец, весьма существенным признаком Жития как произведения, отступающего от средневековой эпической традиции, является повышенный интерес Аввакума в этом произведении к «обыкновенному, повседневному».

¹⁹ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 25—28; т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 217—218.

²⁰ Там же, т. X, 1956, стр. 315—316.

²¹ А. И. Белецкий. Судьбы большой эпической формы в русской литературе XIX—XX вв. — Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки, т. VII, в. III. Філологічний збірник, № 2, Київ, 1948, стр. 13.

²² Ср.: История или теория романа? (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1. СПб., 1886, стр. 1—27), где ученый в понимании романа во многом перекликается с В. Г. Белинским.

²³ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1, стр. 31.